Прокошина А. В. 14/V 88

Советская молодежь
г. Рига
14 МАЙ 1988

ИЗ ПЕВУЧЕЙ ДЕРЕВНИ МИТИНКИ

Любимые песни 30-х годов — «И кто его знает», «Дайте в руки мне гармонь», «Белым снегом»... Они стали популярными вместе с их первой исполнительницей Александрой ПРОКОШИНОЙ. Специально для нее их писал тогдашний художественный руководитель хора им. Пятницкого В. Г. Захаров.

В конце прошлого года народный коллектив, лауреат премии Ленинского комсомола ансамбль песни и танца «Искорка» колхоза «Искра» Котельнического района Кировской области вместе со своим руководителем — народной артисткой, лауреатом Государственной премии СССР Александрой Васильевной Прокошиной впервые выступал в Латвии. Шли Дни культуры Кировской области. Были встречи, экскурсии, концерты, вечера дружбы. Ансамбль выступал в Риге, Резекне, Валке. И, конечно, стал гостем колхоза «Адажи», своих шефов.

А недавно мы прочли сообщение о награждении А. В. Прокошиной орденом Ленина.

Мы поздравляем Александру Васильевну с наградой, полученной в год 55-летия ее творческой работы. И предлагаем вниманию читателей интервью, взятое у нее во время приезда в Ригу.

— Так как ваш ансамбль впервые в нашей республике, первый вопрос, разумеется, о впечатлениях.

— Принимали нас всюду очень тепло. Когда зрители покидали после наших выступлений зал, видно было, да и из разговоров ясно, какую радость мы им доставили. И поэтому мы счастливы. Полное взаимопонимание со всеми вашими самодеятельными ансамблями. Мы побывали во многих странах и всюду исполняли местные народные песни, что называется, на языке оригинала. К сожалению, когда узнали о предстоящей поездке в Латвию, уже не оставалось времени подготовить что-то из латышского фольклора. А латышские песни и танцы нам очень нравятся. Здесь у вас я договорилась, чтобы нам прислали ноты, русскую транскрипцию текстов. Разузнала, где раздобыть ткань для настоящих латышских национальных костюмов. В следующий раз привезем большую программу. Да и во время поездки по республике уже начали осваивать характерные движения местных танцев.

— Ну что же, с интересом будем ждать новой встречи. Александра Васильевна, а как же так получилось, что вы, столичная знаменитость, уехали вдруг в «глубинку», чтобы руководить самодеятельным ансамблем?

— Да это не вдруг. Тут двумя словами не объяснишь, про всю свою жизнь нужно было бы рассказать...

До четырнадцати с половиной лет прожила я в певучей деревне Митинке Калужской области. На работу, с работы — с песней, вечером за околицей — игры, пляски, песни без конца. Как ни устанем в поле, чуть передышка, опустишься на траву — и снова песня. И когда направили меня в хор имени Пятницкого, народных песен я уже много знала и вполне сознавала, что это огромное мое богатство. И манера исполнения была, в общем-то, сформирована. А в хоре тогда были люди в основном пожилые, из уст в уста, из поколения в поколение передававшие народную манеру исполнения. Так что считаю первым своим учителем именно народ. Все 42 года работы на сцене не забывала об этом. И при любой возможности встречалась с самодеятельностью. Советовала, показывала, всегда хотелось тому, чему меня научили, научить и других.

— А какое-то музыкальное заведение вы окончили?

— В Москву я приехала с обычной «семилеткой». Тут окончила среднюю школу, в вокальной студии занималась пять лет. Педагоги были замечательные, из консерватории, «прошла» с их помощью всю теорию. Но в консерваторию они меня не пустили, сказав, что как народную певицу меня там испортят. Так и осталась без бумажки о высшем образовании. Сейчас, однако, в Гнесинское приглашают на консультации, не говоря уже об Институте культуры и различных народных коллективах.

Вообще училась, стремилась узнать, не упустить что-то новое всю жизнь. Иногда казалось — вот сейчас поживу просто так, «для себя». Ничуть не бывало! Так и не заметила, как время пролетело. И знаете, о том, что сложилось именно так, не жалею. Ведь все нажитое могу передать другим, оно не пропадет.

— Ну а в чем же заключалась эта вечная учеба?

— Лет семнадцать почти ежедневно ходила в библиотеку имени Ленина, изучала все, что собрано о народном творчестве областей России. Накопилось 15 «томов» таких выписок: по танцу, музыке, костюмам, играм, ритуалам. Кроме того, почти в каждой поездке хора — слушали, записывали фольклор, смотрели местную самодеятельность. «Высшее» мое образование в хоре продолжалось 13 лет подряд. Возможно, его художественные руководители Петр Михайлович Казьмин, филолог по образованию, и композитор Владимир Григорьевич Захаров готовили меня, чтобы когда-нибудь я смогла заменить кого-то из них... Во всяком случае, на постоянную учебу нацеливали неизменно.

— А кто повлиял на вас, помог вам из знаменитых наших «народниц»?

— Любила Лидию Андреевну Русланову, были с ней хорошо знакомы, говорили немало. Ей нравилось слушать, как пою.

— Но вы такие разные!..

— Да, я исполнительница более строгого стиля. Мне кажется, русский женский характер более сдержан — и та же простота в песне, без особых эффектов. Все идет от самого сердца, и исполнять нужно так же просто и мудро. Через внутреннюю одухотворенность, эмоциональность донести содержание — это главное.

Ирма Петровна Яунзем. Много работали с ней вместе. Я только пришла на сцену, когда она уже блистала. Замечательный, добрейший человек, бережно относившаяся к каждому дарованию. И талантливый, грамотнейший, высококультурный музыкант. «Я табун стерегу, все люди спят...» — как звучало у нее! Это был самый строгий, серьезный народный стиль. Пример ее отношения к работе и к людям на меня очень повлиял, до сих пор вспоминаю ее с благодарностью.

Вообще я счастливая, жизнь подарила мне роскошь общения с замечательными людьми. Многие бывали у нас в домике в Божедомовском переулке. Раньше там жил Пятницкий, потом — его племянник и художественный руководитель хора Казьмин, пригласивший к себе и Захарова с семьей и меня. Здесь репетировали. Здесь проходили и наши «среды», где до войны каждую неделю собирались самые именитые мастера: певцы Барсова, Лемешев, Нежданова; актеры Алла Тарасова, Рыжова, Хмелев; писатели Леонов, Твардовский... Каждый рассказывал о себе, о театре, о музыке. Мы пели. Это была такая школа! И чисто человеческая, и профессиональная. Там я узнала, как драматический актер работает над образом, оперный — над партией. И сама стала по-новому работать с песней: пыталась поставить себя на место героев, пережив сначала в себе то, что происходит с ними в песне. На этих встречах научилась и простоте. Это были все великие люди — каждый в своем деле. Но знали бы вы, как они были просты в общении!

Покинув сцену, работала в хоре уже как педагог. Много лет была председателем жюри конкурса самодеятельных коллективов союзных республик на ВДНХ СССР. И когда в 1974 году на смотр приехал котельнический хор (а выступать они начали еще в 36-м), подсказала им, что у них плохо, на что обратить особое внимание. А через год председатель колхоза «Искра» Ронжин затребовал меня к себе. Мы с балетмейстером Захаровым сделали у них новую программу, да так, что хор после областного смотра послали в поездку на Кипр. Там — успех. И покоя мне не стало: приезжайте да приезжайте! Дома у меня не возражали. Но решилась, разумеется, не сразу. Тут — Москва. В Люберецком районе вот уже тринадцать лет у меня самодеятельный ансамбль «Белая дача». Все же нашла себе замену и отправилась, куда не каждый решился бы — колхоз-то аж в 130 километрах от Кирова! А там увлеклась. Вспомнила собственное детство, когда до всего приходилось самой додумываться, некому было подсказать, помочь. И осталась.

— Наверное, сыграло роль и отношение Андрея Миронович Ронжина ко всему, что касается развития культуры на селе?

— Конечно, он еще тогда, объясняя свои настойчивые приглашения, говорил, что духовная культура ни в коем случае не должна отставать от культуры производства, труда (а хозяйство в «Искре» образцовое). В ансамбле сейчас примерно 120 человек. Содержать такой большой коллектив, да еще отпускать на гастроли в разные концы света колхозу вовсе не легко, ведь все люди работающие. Но руководство идет на это, потому что отдача от нашего искусства огромная. Ведь человеку необходима возможность и душу свою раскрыть. А поют в селах сегодня, к великому сожалению, мало. И не осталось уже почти тех певиц-мастериц, кто мог передать свое искусство молодым. Так что без профессионального руководителя не обойтись.

В нашем ансамбле люди постоянно сменяются. Но, пройдя такую школу, знают довольно много песен, которые звучат и на праздниках, и просто дома, в будни. Хотя я заметила, что многие из моих учеников петь стесняются! Традиции утеряны. И мои ребята жалуются: запоешь, а соседям кажется, — где песня, там и пьяное застолье непременно. Им и в голову не приходит, что петь можно просто от радости, когда на душе хорошо. Да просто — хочется петь! Вот для меня нет жизни без песни.

— Как же восстановить традиции, вернуть интерес к истинному народному искусству?

— Бездуховности можно противопоставить только самое яркое, интересное, подлинное. Фольклор каждой области России имеет свои особые черты, и хочется показать все это разнообразие. Наши «Курская капустка», «Калужское игрище», «Воронежское гулянье», «Вятская топотуха» и другие номера сделаны именно на этой богатейшей основе. Песня чаще всего связана с игрой, танцем, хороводом. И костюм должен дополнять смысл, содержание номера. В нашем «Калужском игрище» все, до каждой ленточки, подлинно, как носили в старину. И сами движения чисто народные. Это придает выступлению неповторимый колорит.

Всю жизнь я черпала из этого родника — и вдохновение свое, и доброту, мудрость — все, что заложено в народных песнях и танцах. Они учат любить: человека, труд, народ и Родину свою. Ведь в песне история каждой народности, национальности. В песню народ вложил всю свою душу, весь талант. Жили люди трудно, далеко не всегда радостно, особенно женщины, недаром об их тяжелой доле столько сложено. А от песни — радость душе. Выйдет женщина в круг — и преобразится, радостью засветится. Свои мечты о самом лучшем, что может быть в жизни, человек вкладывал в песню.

Может, я старею, но в современном песенном искусстве не нахожу для себя творческой силы. Я ведь иногда в колхозный клуб заглядываю посмотреть, как наша молодежь на танцах развлекается. Все грохочет, затемнено, вопли... Тут мы были в Смилтене, выступала сельская капелла. Там и гармоника, и старинные струнные инструменты. Так здорово играли, такие мелодии. И как красивы, своеобразны латышские танцы, в них величавость и горделивость, ловкость и сдержанная грация... А что такое танец — это общение девушки с парнем. Ритуал, когда они друг перед другом все свои лучшие качества раскрывают. Девушка и осанку свою, и лицо должна показать; но в то же время и скромность, строгость свою. В современных танцах — ритм, динамика, — но мысли-то не видно! А в каждом танце, мне кажется, должен быть смысл: через эмоции, через движение выраженный.

Где бы наш ансамбль ни выступал перед молодежью, если зрители видят не стилизацию, не подделку «под народное», а настоящее, всегда понимают и принимают всем сердцем.

Но беда в том, что не все народное мы умеем показать хорошо. Что греха таить, немало еще есть самодеятельных коллективов, просто-напросто дискредитирующих народный жанр. И интонации не те, и костюмы, и сценическая культура отсутствует...

— А ведь через настоящую народную музыку люди нередко приходят к серьезной симфонической, камерной.

— Вы правы, и путь этот очень естественный: от более простого для восприятия и понимания — к более сложному. «Искорка» моя почти вся на дискотеки бегает. Но вот на вечере в Валке школьники сыграли нам небольшую скрипичную пьесу. Вижу, все мои притихли и с таким интересом слушают...

У нас при ансамбле есть детская подготовительная студия «Искриночка». Вызываю одну первоклассницу (в школе сказали, у нее хороший голосок), что споешь, спрашиваю. А она: «Миллион алых роз»! Ну что же, говорю, давай свой миллион...

Конечно, воздействие массовой культуры огромно, а мы, «народники», пока мало что можем предложить детям. Ищу то, что по-настоящему затронет сердце. И если иду по верному пути, то увлекаются, репетируют, и не три раза в неделю, как положено, а на дополнительные занятия бегают, лишь бы побыстрее освоить программу.

Поэтому живу и надеюсь. И не бросаю свое трудное, беспокойное дело.

Вела интервью
Наталия МОРОЗОВА.